

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УЗБЕКИСТАНЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ИНЫЕ АСПЕКТЫ

Шухрат Мирзаев

Главный научный сотрудник

Институт законодательства и правовой политики

при Президенте Республики Узбекистан

mirzaev_legal@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Автором изучены идеологические, культурные, правовые и иные аспекты противодействия радикализации молодежи в Узбекистане. Результаты анализа свидетельствуют о необходимости концептуальной модернизации подхода к реализации мер по противодействию терроризму и радикализму, экстремизму, роли религиозного воспитания и обучения, исламских традиций и конституционного постулата светского государства, который пронизывает всю правовую систему от отдельных норм до целых институтов и отраслей. В этой связи автором сделаны некоторые выводы и рекомендации по решению проблем радикализации молодежи в стране.

Ключевые слова: Конституция, религия, ислам, информационная война, клерикализация, сакрализация, радикализация, светский.

ЎЗБЕКИСТОНДА ЁШЛАРНИНГ РАДИКАЛЛАШУВИГА ҚАРШИ КУРАШИШ МУАММОЛАРИ: МАФКУРАВИЙ, МАДАНИЙ, ҲУҚУҚИЙ ВА БОШҚА ЖИҲАТЛАР

Шухрат Мирзаев

Бош илмий ходим

Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги

Қонунчилик ва ҳуқуқий сиёсат институти

mirzaev_legal@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Муаллиф томонидан Ўзбекистонда ёшларнинг радикаллашувига қарши курашишнинг мафкуравий, маданий, ҳуқуқий ва бошқа жиҳатлари ўрганилган. Таҳлил натижалари терроризм ва радикализм, экстремизмга қарши курашиш бўйича чора-тадбирларни амалга оширишга ёндашувни концептуал жиҳатдан

янгилаш, диний таълим ва тарбиянинг роли, ислом анъаналари ва алоҳида нормалардан тортиб бутун институтлар ва тармоқларгача бўлган бутун ҳуқуқий тизимни қамраб оладиган дунёвий давлат конституциявий постулати заруратини кўрсатади. Шу нуқтаи назардан, муаллиф томонидан мамлакатда ёшларнинг радикаллашуви муаммоларини ҳал этиш бўйича айрим хулоса ва тавсиялар берилган.

Калим сўзлар: Конституция, дин, ислом, ахборот уруши, клерикализация, сакрализация, радикаллашув, дунёвий.

PROBLEMS OF COUNTERING THE RADICALIZATION OF YOUTH IN UZBEKISTAN: IDEOLOGICAL, CULTURAL, LEGAL AND OTHER ASPECTS

Shuhrat Mirzayev

Chief Research Fellow

Institute of Legislation and Legal Policy

under the President of the Republic of Uzbekistan

mirzaev_legal@inbox.ru

ANNOTATION

The author studied the ideological, cultural, legal, and other aspects of combating the radicalization of youth in Uzbekistan. The analysis results indicate the need for a conceptual modernization of the approach to implementing measures to counter terrorism and radicalism, extremism, the role of religious education and training, Islamic traditions, and the constitutional postulate of a secular state, which permeates the entire legal system from individual norms to entire institutions and sectors. In this regard, the author made some conclusions and recommendations for solving the problems of youth radicalization in the country.

Keywords: Constitution, religion, Islam, information warfare, clericalisation, sacralization, radicalization, secular.

Почему молодые люди Узбекистана, выросшие в мире и спокойной жизни, вдруг радикализируются и уезжают воевать в чужие страны? Каковы факторы уязвимости молодёжи, и как сохранить их устойчивость?

За период 2019-2021 гг. в мире зафиксировано более двух десятков массовых акций, протестов, крупных массовых беспорядков. Они затронули Азию, Америку, Африку, Европу, в своем большинстве нацеливаясь на смену

государственной власти. В ряде случаев в этих событиях принимали активное участие молодые люди с радикальными религиозными представлениями.

Изучение научной литературы, посвященной анализу этих событий, позволяет констатировать, что в них достаточно широко использовались технологии информационной войны, направленной на формирование у людей внутренних когнитивных механизмов переработки информации и регуляции социального поведения. При этом целью субъектов информационно-психологического воздействия являлись направление религиозных представлений молодежи в сторону их радикализации и подталкивание к выступлениям против действующей политической власти.

В Узбекистане концептуально пересмотрены подходы к реализации мер по противодействию терроризму и экстремизму. Ставка делается «на борьбу за умы» людей, в первую очередь, молодежи путем повышения правовой культуры, духовно-религиозного просветительства. Ведется системная работа по социальной реабилитации, возвращению к нормальной жизни тех, кто попал под влияние экстремистских идей и осознал свои ошибки. Осуществляются комплексные меры по распространению, особенно среди молодежи, истинных ценностей ислама, укоренению в их сознании традиционной исламской культуры и мировоззрения.

Как отмечают исследователи, в информационной войне главным полем битвы становится человеческий разум. Ее цель состоит в том, чтобы изменить не только то, что люди думают, но и то, как они думают и действуют [1]. Успешно осуществляемая информационная война «формирует и влияет на индивидуальные и групповые убеждения и поведение в интересах тактических или стратегических целей агрессора. В своей крайней форме она может привести к расколу и фрагментации всего общества, так что у нее больше не будет коллективной воли противостоять намерениям противника» [2].

Полагается, что изменение представлений, ценностей и установок населения является более эффективным способом захвата страны, чем вооруженная агрессия, поскольку он не требует от субъектов информационных войн больших расходов на вооружение, боевую технику, всестороннее обеспечение армии, не приводит к экономическому или социальному разрушению страны-жертвы и, наконец, способствует надежному контролю над населением. В отличие от психологических операций (PsyOps) [3], позиционируемых в качестве дополнения к вооруженному противоборству государств, информационная война мыслится альтернативным и самостоятельным видом военных действий.

Цели информационной войны могут быть ограниченными (с короткими временными горизонтами) или стратегическими (с кампаниями, проводимыми в течение десятилетий), сосредотачиваться на ограниченной цели (предотвращение проведения военных маневров, принудительное изменение конкретной государственной политики) или включать несколько последовательных кампаний с долгосрочной целью разрушить целые общества или союзы, посеяв сомнения в управлении, подорвав демократические процессы, спровоцировав гражданские беспорядки или побудив сепаратистские движения.

Средствами информационной войны выступают информационно-психологические технологии воздействия [4], нацеленные на достижение нужного субъекту-агрессору мировоззрения и поведения населения [5], и осуществление «влияния на общественное и государственное управление, дестабилизацию общественных институтов» [6]. Однако, в отличие от психологических войн, в информационной войне информационные технологии направляются не только на инициацию у населения внимания, интереса, желаемых эмоций, установок и нужного поведения, а в большей степени на создание устойчивых паттернов восприятия и запоминания информации, мышления и способа принятия решений

Основной контингент — это молодёжь, женщины, мигранты и этнические меньшинства. Как вы знаете, в Ферганской долине исторически происходили конфликты, можно сказать не только межгосударственного характера, но и этнического. Сегодня молодёжь составляет больше 60% от общего числа населения. При этом в регионе очень большой миграционный поток. Вопросы радикализации и экстремизма среди молодёжи актуальны, потому что последние исследования показали, что в основном молодёжь радикализируется.

Учитывая, что 60% населения Узбекистана составляет молодежь, которая рассматривается в качестве «стратегического ресурса государства», разработана и реализуется специальная политика в отношении молодых граждан страны.

По данным официальной статистики доля молодых людей составляет треть населения, при этом молодёжь не является гомогенной социальной демографической группой, различаясь по полу, возрасту, уровню образования, статусу занятости, благосостоянию семей, отнесению себя к различным субкультурам. В зависимости от многих факторов стратификация молодёжи и множественные идентичности, которые присущи разным слоям и группам молодёжи, могут по-разному влиять на их устойчивость к радикализации.

На Узбекистан, исходя из его географического расположения и некоторых исторических, культурных реалий, большое влияние оказывает, так называемый, афганский фактор.

Сегодня молодёжь более свободная и получает информацию на разных языках. Молодёжь больше использует интернет, материалы оттуда, потому что у нас интернет лучше работает, и это вне зависимости от того, городская это молодёжь или сельская. Почти 75% молодёжи сидит в интернете, социальных сетях, оттуда получает информацию.

Изучение влияния религии на целевую аудиторию критически важно для анализа, поскольку оно потенциально может повлиять на аспекты жизни человека [7]. В связи с этим специалисты в области информационно-психологического воздействия глубоко исследует культуру, язык, религию, ценности и особенности мышления целевых аудиторий в стране или регионе операций [8].

Анализ состояния изучаемой проблемы в Узбекистане показывает, что религиозные верования и убеждения населения, религиозные объекты и традиции, как правило, находятся под защитой государства и прямо связаны с возможностями дестабилизации социальной ситуации [9]. Несмотря на формальное разграничение политико-государственной и религиозной сфер, контроль деятельности религиозных структур является важным условием национальной безопасности Узбекистана. При этом реализуется государственная политика в отношении религии, проявляющаяся в регулировании деятельности религиозных объединений. Ее целями выступает поддержка религиозных объединений наряду с мониторингом их деятельности, направленным на пресечение противоправного воздействия на верующих. Как следствие, в Республике Узбекистан к настоящему времени запрещена деятельность 40 религиозных организаций.

Вместе с тем социологические опросы, а также мнения экспертов демонстрируют обеспокоенность населения этих стран угрозой распространения религиозного экстремизма и терроризма [10]. Анализ деятельности экстремистских организаций на территории данных государств показывает, что содержание информационного воздействия на население может быть сведено к трем основным направлениям — клерикализации, сакрализации и религиозной ксенофобии.

Клерикализация — распространение мнения о необходимости усиления роли религии в обществе и государстве. Верующих убеждают в том, что религиозные институты могут усовершенствовать или даже полностью

заменить государственные институты. Как правило, речь идет об образовании, здравоохранении, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Так, в первый период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) ряд религиозных общин Узбекистана пропагандировал хиджаму (мусульманскую методику лечения посредством кровопускания) [11].

Клерикализация по отношению к правоохранительной и правоприменительной функциям государства выражается в призывах не соблюдать существующие законы, а действовать на основе религиозных норм. Такие призывы наиболее присущи экстремистским и террористическим организациям, поскольку сочетаются с антигосударственной деятельностью.

Сакрализация — идея о признании религиозного образа жизни важной, отличительной чертой мусульманина. Пропаганда сакрализации формирует убеждение в том, что только религиозные люди несут ответственность за благополучие общества. В результате возникает представление о том, что религиозная молодежь обладает большей социальной ценностью, нежели их менее религиозные сверстники, а также появляется основание для призывов к adeptам к совершению незаконных действий. Так, искажая сущность понятий «хиджрат» и «джихад», представители террористических организаций убеждают узбекскую молодежь участвовать в боевых действиях на территории Сирии [12].

Стратегия сакрализации активно осуществляется представителями «псевдорелигий», поскольку способствует, с одной стороны, искусственному повышению значимости нелегального религиозного объединения, а с другой — отделяет adeptов религии от общества, возводит барьеры общению между ними и родственниками, друзьями.

Ксенофобия как неприязнь и страх ко всему чужому развивается здесь до идеи о вредоносном влиянии государства на религию. Неофициальные религиозные лидеры убеждают adeptов в том, что религия находится под угрозой со стороны государства, а верующие могут подвергнуться преследованию. Для формирования ксенофобских убеждений используются указания на искажение догм, религиозных традиций и ритуалов под влиянием государства, регулирование деятельности религиозных обществ, в том числе ограничение собраний и встреч верующих, конфликты между официальными религиозными деятелями и лидерами религиозных общин и пр. Цель формирования подобных представлений — обоснование необходимости защищать религию от посягательств любыми средствами, вплоть до насилия, мотивация верующих к противоправным действиям. Поскольку ксенофобия

является одной из неотъемлемых установок экстремистов, то ее формирование выступает одной из тактических задач по развитию экстремистских настроений в обществе, что влечет повышение уровня его конфликтности.

Рассмотренные направления описаны в контексте деятельности религиозных экстремистских группировок, использующих методы информационной войны. Продвижение экстремистских идей среди узбекской молодежи порождает комплекс соответствующих когнитивных структур (представлений, установок, программ и т. д.) в сознании молодых людей. В результате воздействия не только формируется религиозное мировоззрение, но и специфическое отношение к окружающим людям, обществу и государству. Можно заключить, что в экстремистской интерпретации радикализация молодежи способствует ее криминализации, настраивая на противодействие правоохранительным органам, институтам государственной власти. Данное воздействие носит дезорганизующий характер для общества и деструктивный — для государства, поскольку ухудшает взаимопонимание и поощряет социальные конфликты, обосновывает преступное поведение.

Из сказанного видно, что в информационных войнах религии, религиозные убеждения людей и сами верующие будут использованы, по крайней мере, в трех ипостасях: 1) как непосредственные мишени, 2) как мощные модификаторы информационно-психологического воздействия на отдельных людей, социальные группы и гражданскую власть, 3) как мотивационно-ценностные усилители воздействия.

Какие факторы и причины могут привести к радикализации молодёжи?

Можно привести следующую градацию: самыми активными радикалами является та группа людей, которые сталкиваются с кризисом идентичности. Они пытаются компенсировать свой кризис идентичности более радикальным проявлением какой-то новой идентичности. Если посмотреть на кейсы радикализации молодёжи, которые находятся в открытом доступе, то можно заметить, что это были молодые ребята, юноши и девушки, из достаточно светских семей, иногда интернациональных. В условиях новых национальных государств некоторые представители подобных семей или подобных групп самоорганизовались из-за более низкого уровня знания государственного языка, более низкого уровня идентификации со сконструированными во всех наших странах новыми понятиями национальной идентичности, культуры. Для таких людей это была идентичность, в которой они не могут себя стопроцентно

реализовать, и свою ущербную или недостаточную идентичность они стараются компенсировать повышенным интересом к Исламу.

Поэтому самые кричащие кейсы радикализации у смешанных семей или светских, как принято говорить, «обрусевших» семей. Обычно это новообращённые, а у новообращённых есть такой порыв, когда они пытаются очень сильно выпячивать и показывать свою новую идентичность. Это самая активная группа, с точки моей личной градации, потому что, когда они радикализируются, они становятся лидерами, занимают в этих радикальных структурах очень высокие иерархические должности, и их очень часто используют для пиара, показывают, какие они хорошие новые мусульмане и так далее. Это первая группа.

Вторая группа тех, кто радикализируются, по тем данным, которые у нас есть, это молодёжь и вообще лица, склонные к криминальному поведению. Это та группа людей, которые вообще склонны к криминальному поведению, а религиозный радикализм просто придают им форму и наполняет смыслом их поведение. То есть они могли бы и так проводить насилие в форме рэкета и ещё чего-то другого, но теперь это предоставляет их деятельности смысл, что они не просто проводят насилие или насильственные действия, а они делают это ради какой-то высокой цели (например, Абу Халид Корлоби до того, как присоединиться в ИГИЛ, был мелким наркоторговцем, распространял наркотики, Абу Сафан Нараки занимался мелким хулиганством, шантажировал и забирал деньги у более слабых людей) [13].

Третья группа — это люди, у которых очень сильная религиозная идентичность, есть религиозное образование, религиозное мировоззрение и отсутствуют или очень слабы какие-то другие элементы для противовеса. Это люди, у которых низкий уровень школьного образования, плохие оценки, единственное, что они знают, причём эти знания тоже достаточно ограничены, это какие-то религиозные догматы, постулаты и, естественно, это единственное, чем они могут руководствоваться в своём определении, своих ценностных ориентирах.

Они составляют самую большую группу радикалов, но при этом выполняют очень низкие роли, поскольку для них всё предельно понятно, есть мусульмане, есть неверные, есть халал, есть харам. Они составляют основную пушечную массу всех радикалов, не только в Узбекистане, но и везде.

И четвёртая группа — это больше жертвы обстоятельств, в том смысле, что, допустим, кто-то убегал от правосудия и случайно попался, а кто-то отправился на поиски лучшего заработка, и обманным путем его вывезли, и

огромное количество других людей, которые являются больше жертвами радикальной идеологии пропаганды, чем активными их носителями.

Влияет ли бедность на радикализацию?

Прямая связь между бедностью и радикализацией, не только в Узбекистане, но и в других странах, незаметна, потому что достаточное количество активных радикалов были представителями среднего класса, то есть имели более или менее нормальную, стабильную экономическую ситуацию. У них был какой-то маленький свой бизнес или какая-то постоянная работа, причём это не только в Узбекистане, а по данным исследования во всех соседних странах. Поэтому какого-то сильного экономического детерминизма не выявлено.

Трудовые мигранты, находясь вдали от дома и сталкиваясь с несправедливостью, становятся более уязвимы к радикальным идеям.

Эксперты объясняют это следующим: “Во-первых, за рубежом их права очень мало защищены. Находясь за рубежом, вне территорий своих стран, они объединились по языковому и этническому признакам. Естественно, у них для этого не хватало правовой защиты, например, в сфере образования. Тогда, когда со стороны правоохранительных органов других стран проявляется несправедливое отношение, естественно они радикализируются и во всём обвиняют государство, что оно не обеспечивает их, и если бы государство обеспечило справедливо их рабочими местами, они бы сюда не приехали. Естественно, это уязвимые слои населения, и вербовщики, и радикальные экстремистские организации этим воспользовались.

Другие эксперты имеют на этот счёт иную точку зрения: “Процент радикализированных или процент, принадлежащих к экстремистским группировкам в среде трудовых мигрантов, находится на уровне статистической погрешности. То есть по разным данным количество мигрантов из Узбекистана составляет около миллиона, а количество, присоединившихся к экстремистским группировкам в миграции, составляет меньше тысячи. То есть если смотреть в процентном соотношении, это какая-то статистическая погрешность. Но почему вообще сильно освещается вопрос миграции? Это очень выгодно для принимающих стран, потому что они могут использовать эмигрантскую карту для достижения каких-то своих политических целей. Но для наших стран факт сильного акцентирования на вопросах миграции, наоборот, вредит нашим согражданам, ставя их в ещё более уязвимое положение, потому что принимающая страны будут по умолчанию относиться к ним, как к потенциальной группе риска, и соответствующее отношение и

действия могут подтолкнуть их к радикализации. Но откуда появилась эта идея? На основе данных принимающих стран, которые используют это в политических целях, и, второе, на основе отчетов местных властей наших стран не на национальном уровне, а именно на местном. Потому что когда идёт резко радикализация в каком-то регионе или сельском районе или совете, то, естественно, идёт спрос с местных властей на республиканском, государственном уровне. Им нужно как-то себя обелить и понизить уровень собственной ответственности, и действует такой ответ, который замечен везде, во всех республиках: «Мы не виноваты. Пока они были у нас, всё было хорошо. А это произошло там, где-то, в миграции». То есть тем самым местные власти снижают уровень своей ответственности. Для стран на национальном уровне это очень невыгодно, потому что это репутационные риски, авторитет стран падает, а это опять-таки невыгодно для мигрантов, потому что отношение к ним идёт соответствующее в принимающих странах. Но этот миф, сильно, активно поддерживаемый на местном уровне, стал мейнстримом, хотя цифры это не подтверждают”.

Для Узбекистана очень актуально образование, чтобы программа работала именно по предотвращению различных конфликтов, в том числе радикализации и экстремизма, необходимо больше проводить профилактические работы, работать с местным населением. В этом плане не только государственные органы и местная власть работают, но и гражданский сектор тоже играет очень важную роль, в том числе наши религиозные организации.

Почему с факторами и причинами радикализации государства Центральной Азии должны бороться сообща?

Потому что регион един. На самом деле анализ показал, что существенных различий почти нет, особенно в части Ферганской долины, потому что иногда такие конфликты, происходившие на границе, способствуют появлению новых радикальных идей. Поэтому для Центральной Азии нужна интеграция, чтобы бороться с этим негативным явлением вместе. В 2005 году, когда произошли Андижанские события, соседние государства в этом обвинили нашу страну, что эти радикалы пришли отсюда. В последние годы у нас с соседями отношения уже улучшаются, уже на высоком уровне идёт. И поэтому важно, чтобы не только силовые структуры объединились, но и в первую очередь народ, жители, сообщества, четко знали, что радикализация, экстремизм — это наш общий враг, и вместе надо бороться.

Как бы ни звучало прискорбно, но радикалы интегрируются между собой лучше, чем страны региона на политическом уровне или сообщества. У них

есть свой экстремистский радикальный интернационал. Потому что, если мы посмотрим на какие-то формирования, которые действовали в Сирии, в Ираке, в Афганистане, то там выходцы из многих стран, граждане стран региона лучше интегрированы, чем, например, в своих странах. И очень часто, когда возникают какие-то недопонимания или конфликты между странами, это очень хорошо используется в радикальной пропаганде, потому что у них создан такой нарратив: «Так как вас неверные разделили по странам, по государствам, вы враждуете. Это является частью теории заговора неверных. А если мы создадим мусульманский халифат, то все эти проблемы автоматически исчезнут». Это, конечно, такая романтизация, но факт в том, что они предлагают альтернативу.

И здесь как раз нужно, наоборот, интегрироваться тем силам, которые несут позитивный месседж, несут какую-то идею, не разрушительную, а созидательную. Учитывая то, что угроза имеет трансграничный характер, без соответствующего уровня взаимодействия между ответственными структурами, между силовыми структурами, между медиа, между активистами и вообще сообществами, противостоять этой угрозе невозможно, потому что угроза не национального масштаба и не локального, она – глобальная, и в нашем случае региональная. Причём, радикалы нашего региона интегрированы гораздо лучше, и у них есть какие-то интегрированные программы более высокого качества.

Таким образом, религиозная радикализация является одним из факторов, угрожающих безопасности рассмотренных стран. Информационное воздействие на молодежь этих стран, оказанное в рамках информационной войны, может исказить представления о роли и значении религии в жизни общества, сформировать радикальные убеждения антигосударственной и антиобщественной направленности.

ВЫВОДЫ

Первое, религиозные убеждения верующих могут быть использованы для противоборства с системами государственного управления светской власти. Экстремистские организации насаждают комплекс убеждений о клерикализации, сакрализации и пробуждают у верующей молодежи ксенофобские настроения. Под их влиянием изменяются представления молодежи о социальном взаимодействии, уменьшается объем взаимодействия с социальным окружением, стабилизируется состав последнего, возрастает его гомогенность. Как следствие, создаются условия для дальнейшего отграничения молодежи от общества, повышается зависимость от лидеров

сообществ (групп), усиливается риск перехода от радикальных убеждений к экстремистским.

Второе, существенное значение религии для социальной жизни и мировоззрения молодежи обосновывает важность государственной защиты религии. Целесообразными являются меры по контролю деятельности религиозных организаций в части взаимодействия с населением и распространения информации. Актуальным направлением выступают разработка образовательных стандартов подготовки специалистов для ведения религиозной пропагандистской деятельности, религиозно-общественная аккредитация существующих образовательных организаций.

Третье, в условиях развития нелетальных концепций военных действий, возникновения парадигмы информационной войны деятельность радикальных религиозных сообществ в государствах, обладающих сильным социокультурным и мировоззренческим влиянием религии на население, нуждается в дополнительном контроле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cluzel F. Du Cognitive Warfare. Innovation Hub. 2020. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210113_CW%20Final20v220.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
2. Cao K., et al. Countering cognitive warfare: awareness and resilience. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 3-14. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0101>.
4. Claverie B., Cluzel F. Du. Cognitive Warfare: The Advent of the Concept of "Cognitics" in the Field of Warfare. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office, 2022. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (дата обращения: 15.01.2022).
5. Backes O., Swab A. Cognitive Warfare. The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States. Belfer Center for Science and International Affairs, 2019.
6. Bernal A. et al. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. 2020. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

7. Field Manual. Psychological Operations: Tactics, Techniques, and Procedures (FM 3-05.301; FM 33-1-1; MCRP 3-40.6A). Washington, 2003.
8. Field Manual. Psychological Operations (FM 3-05.30; MCRP 3-40.6). Washington, 2005.
9. Аллахвердян Я. О., Богачев М. И., Шмидт В. В., Элбакян Е. С. Религиоведение в контексте национальной безопасности // Государственная служба. 2019. № 2. С. 108-118.
10. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. М., 2017. 80 с.
11. Хиджама не избавляет от COVID-19 и пневмонии // Минздрав Киргизской Республики. URL: <https://ru.sputnik.kg/20200716/minzdrav-hidzhama-koronavirus-pnevmoniya-opasnost-1049027768.html> (дата обращения: 03.01.2022).
12. В городе Ташкенте и Ташкентской области выявлены и задержаны члены международной террористической организации // Министерство внутренних дел Республики Узбекистан. URL: <https://iiv.uz/ru/news/toshkent-shahri-va-toshkent-viloyati-hududida-xalqaro-terrorchilik-tashkiloti-azolari-aniqlanib-qolga-olindi> (дата обращения: 03.01.2022).
13. <https://www.nlkg.kg/ru/society/security/pochemu-molodezh-centralnoj-azii-radikaliziruetsya>